

Кризисъ большевизма.

Вопросъ о причинахъ происходящаго на нашихъ глазахъ кризиса большевизма заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Не слѣдуетъ забывать, что до сихъ поръ большевизмъ являлся лѣвою, революціонною половиною русской социал-демократіи, что большевики относились къ меньшевикамъ, какъ монтаньяры къ жирондистамъ. Великой французской революціи — *toutes proportions gardées*, разумѣется. Кризисъ въ такой фракціи, если изъ него не паходятъ своевременно надлежащаго выхода, не можетъ пойти на пользу революціи. Какъ бы мы, социалисты-революціонеры, ни относились къ программѣ и тактикѣ нашихъ «друго-враговъ», мы должны признать, что распаденіе русскаго социализма на два основныхъ направленія, социаль-демократическое и социаль-но-революціонное, есть не случайность, а явленіе, имѣющее свои глубокія социально-психологическія основы. Съ двумя теченіями намъ придется считаться еще долго, ибо ранѣе того времени, какъ сдѣлается возможнымъ открытое существованіе ихъ на широкой аренѣ политической свободы, не можетъ идти серьезно и рѣши о созданіи въ Россіи, согласно принципіальнымъ требованіямъ Интернаціонала, единой социалистической партіи.

Но разъ это такъ, разъ два социалистическихъ теченія есть до поры до времени фактъ, его же не преи-деши, то было бы совершенно нецѣлесообразно усвоить себѣ на событія, происходящія внутри социаль-демократической партіи, упрощенный взглядъ, выражаемый формулою: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Напротивъ, какъ мнѣ кажется, жизнью диктуется намъ совершенно иное отношеніе къ этимъ событіямъ. Мы можемъ и должны совершенно безкорыстно привѣтствовать каждый успѣхъ лѣвыхъ социаль-демократовъ, выводящій с.-д. партію на широкую дорожку революціонной борьбы. Чѣмъ больше будетъ такихъ успѣховъ, тѣмъ чаще мы будемъ встрѣчаться съ нашими «друго-врагами» плечо съ плечомъ въ выступленіяхъ противъ общаго врага, тѣмъ болѣе будетъ оздоравливаться общая атмосфера междупарти-онныхъ отношеній. Исторія мѣсяцевъ протекшаго революціоннаго періода служить лучшею иллюстраціей этому. Я не могу удержаться отъ улыбки, вспоминая, какъ эволюционировалъ хотя бы способъ обращенія другъ къ другу на митингахъ ораторовъ двухъ партій. Для социаль-демократа каждый ораторъ социаль-истъ-революціонеръ былъ сначала просто «г. такой-то». Потомъ какой то паходчивый человекъ приискалъ остроумную формулу: «товарищъ по революціи». Спасительная формула быстро привилась и пошла въ ходъ. Но потому ли, что языкъ социаль-демократическихъ ораторовъ уставалъ и путался въ длиннотахъ этой формулы, или потому, что а *la longue* глубокомысленный формализмъ ея сталъ, наконецъ, становиться дѣтскимъ.

и смѣшнымъ, — но только «товарищъ по революціи» постепенно смѣнился «товарищемъ» tout court. Да, все это, конечно, отчасти юмористично, но она характерна для фракціонной психологіи, и эволюція въ этомъ «мнѣтнговомъ этикетѣ» симптоматически отмѣчаетъ болѣе глубокія измѣненія въ этой психологіи. Въ эпоху революціоннаго кризиса разногласій было не меньше, чѣмъ теперь, а практическое значеніе этихъ разногласій было посерьезнѣе, ибо за словами тогда тотчасъ же слѣдовало дѣло. И тѣмъ не менѣе, атмосфера междуфракціонныхъ отношеній тогда начинала замѣтно улучшаться. Иное дѣло теперь, когда половое схлѣнуло, когда русло партійной организаціонной жизни обмелѣло. Повсюду мы видимъ рецидивы старой, дореволюціонной психологіи. Изъ мрака времени грозитъ подняться сырая мгла заграничной междуфракціонной грызни, съ ея лучшими приемами хлестаковской развязности, выдаваемой за остроуміе, и топорной бравады, выдаваемой за рѣзкую принципиальность. Какъ будто снова прорвало какую-то плотину, и наконившійся за нею соръ, щепки, арбузные корки, гнилая картошка — все полетѣло, завертѣлось въ маленькихъ водоворотахъ, весело запрыгало на поверхности... И въ самомъ дѣлѣ, какая утѣшительная картина! Какъ все это подходитъ къ трагической серьезности переживаемаго момента!

Сущность происходящаго на нашихъ глазахъ кризиса большевизма до такой степени осложнена, загромождена всяческимъ поверхностнымъ соромъ, что ее немудрено и совершенно не разглядѣть изъ-за его беспорядочнаго скопленія. Г. Плехановъ такъ и изглянулъ на дѣло. Въ его объясненіи кризиса большевизма все обстоитъ очень просто. Въ борьбѣ съ меньшевиками Ленинъ старался, видите ли, подобрать себѣ большинство и ради этой цѣли выбросилъ за бортъ всякую разборчивость; подобно хлестаковскому слугѣ Осипу онъ разсуждалъ, что въ дорогѣ все пригодится, и бралъ не только сахарныя головы, но и веревочки и вообще все, что придется; а благодаря этому онъ накопилъ столько сахарныхъ головъ и всякихъ другихъ ненужностей, что повозка большевизма совершенно перегрузилась. Тогда произошла реакція — Ленинъ спохватился и, на этотъ разъ уже по подобію одного героя Успенскаго, принялся размахивать направо и налево, пока не «распространилъ вокругъ себя пространство» и не разлетѣлись въ разные стороны всевозможные отзовисты, ультиматисты, богостроители, социалдемократическіе анархо-синдикалисты и т. п.

Въ этомъ объясненіи кризиса большевизма, какъ видите, есть все, что угодно, кромѣ немногаго: кромѣ большевизма. Большевизмъ исчезъ, испарился, какъ будто его никогда и не было, а былъ только одинъ Ленинъ. Сначала Ленинъ набиралъ, потомъ Ленинъ оталъ разгонять. Но полно, такъ ли? И та остроумная поверхностность, которой кокетничаетъ здѣсь Г. Плехановъ, даетъ ли что нибудь, кромѣ полемическаго препровожденія времени? Мы отнюдь не хотимъ отрицать той

крупной роли, которую Ленинъ игралъ въ созданіи и развитіи «большевизма»; не станемъ мы отрывать и того, что личности и личные счёты играли всегда немалую роль въ исторіи социалъдемократическихъ расколовъ. Что дѣлать! Это обычныя *дѣтскія* болѣзки всякой партіи. Но сводить *все* къ личностямъ съ ихъ капризами, притяжаниями и претензіями — это, какъ будто, ужъ чересчуръ много.

Вѣрно, конечно, что при первоначальномъ *зарожденіи* большевизма роль личнаго элемента была преобладающей. Но въ исторіяхъ партій всегда такъ бываетъ, что *раздоры и образования чисто-персональных центровъ* являются лишь формой, въ которую затѣмъ жизнь постепенно вливаетъ болѣе безличное содержаніе. Вожаки могутъ перессориться между собою изъ-за чегó угодно, но группировка вокругъ нихъ пойдетъ по химическому сродству элементовъ, разъ начавшаяся кристаллизція пойдетъ дальше, и создавшаяся свита, школа, аудиторія черезъ нѣсколько времени *поведетъ* за собою своихъ *вожаковъ*. «Учители» и «вожди», если они понимаютъ свое положеніе, должны будутъ вспомнить слова Мефистофеля: «Du glaubst zu schieben, und du wirst geschoben».

Въ началѣ раскола «единой россійской etc.» предметъ раскола былъ дѣйствительно до смѣшного ничтоженъ. *Идейное* значеніе имѣлъ только споръ о редакціи § 1 устава. — Считать ли членами партіи работающих *въ* организаціи или работающих *подъ руководствомъ* организаціи? Въ этомъ была сущность уставнаго спора. Многочисленные оказались сторонники ограниченія партіи рамками личнаго состава организаціи. Побѣдители дѣлали, однако, оговорку, которая и этотъ споръ сводила къ спору о словахъ. Именно, въ понятіе «партійной организаціи» они включали также невозможныя организаціи *ad hoc* или «lose Organisationen», какъ говорятъ нѣмцы. Организаціи для содѣйствія партіи въ какомъ-нибудь специальномъ отношеніи или вопросѣ, организація рабочихъ для стачки *подъ руководствомъ* партіи, специальная организація обычно неорганизованной «периферіи» для обсужденія программы партійнаго

сѣзда и выборовъ на него, — все это очевидно ниги-
 ein bisschen anderen Worten, широко открывало ворота
 въ партію тѣмъ элементамъ, которыхъ нѣла явду
 другая сторона, говоря о «работающихъ подъ руковод-
 ствомъ» или «подъ контролемъ» партійной организаціи.
 Конечно, всегда есть охотники до «тонкихъ различій»,
 до искусства «расщепленія каждаго волоска»; но чтобы
 исходя изъ подобныхъ мелочей и тонкостей, дойти до
 «пѣлагъ» фракціоннаго раскола — нужна, конечно, кака-
 то специальная психологія, нужно такое накопленіе
 взаимныхъ неудовольствій, при которомъ было бы по-
 нятно, что всякій поводъ окажется хорошъ для вза-
 имныхъ отлученій отъ маркенизма. Такъ и здѣсь. Изъ
 первыхъ поразъ всѣмъ бросалось въ глаза то, что вно-
 слѣдствіи затемнилось: все это «идейное разногласіе»
 было щито бѣлыми нитками.

Дальнѣйшимъ ходомъ партійныхъ неурядицъ лич-
 ный элементъ былъ подчеркнутъ еще яснѣе. Все со-
 сосредоточилось на борьбѣ изъ-за мѣстъ въ редакціи, изъ-
 за мѣстъ въ Ц. К. Въ редакціи сначала Ленинъ съ
 Плехановымъ вытѣснили Засуличъ, Аксельрода, etc.,
 потомъ Плехановъ вытѣснилъ Ленина, потомъ Плеха-
 новъ «единогласно» кооптировалъ Засуличъ, Аксель-
 рода etc.: все это сопровождалось личной полемикой,
 поражавшей сторонняго наблюдателя отсутствіемъ вся-
 каго присутствія болѣе глубокаго принципиальнаго
 предмета спора. Дошло до того, что на страницахъ
 „Искры“ споръ былъ совершенно откровенно сведенъ
 къ вопросу о мѣстахъ въ «редакціонномъ оркестрѣ»
 и о томъ, кто долженъ получить въ свои руки «дири-
 жерскую палочку»...

Такъ было вначалѣ. Но только въ началѣ. Оста-
 вшіеся въ «меньшинствѣ» немедленно же, согласно
 правилу: «врагъ нашего врага — намъ другъ», должны
 были искать союза съ остатками прежнихъ, разгромлен-
 ныхъ фракцій — «рабочедѣльцами» и «южнорабоченцами».
 Этотъ шагъ уже подготовлялъ переходъ отъ личныхъ
 разногласій къ принципиальнымъ: онъ требовалъ, что-
 бы партійное меньшинство сдѣлало нѣкоторыя уступки

направо, на первых порахъ хотя бы въ духѣ болѣе примирительнаго отношенія къ бывшимъ «экономистамъ» и сторонникамъ «теоріи стадій». При началѣ раскола трудно было даже въ микроскопъ разглядѣть, чѣмъ сторонники Ленина отличаются отъ сторонниковъ Мартова, кромѣ того, что одни при выборахъ въ Ц. К. и редакцію Ц. О. остались въ большинствѣ, а другіе въ меньшинствѣ; отсюда и нелѣпое «арифметическое» наименованіе фракцій—большевики и меньшевики, сохранившееся по традиціи до тѣхъ временъ, когда меньшевики сдѣлались большинствомъ, а большевики—меньшинствомъ въ партіи. Но когда рабочедѣльные превратились въ своего рода *railles* и меньшевики приняли ихъ, какъ блудныхъ дѣтей, въ свое лоно,—наряду съ арифметическими кличками впервые явились и другія: меньшевики стали «мягкими», искровцами, большевики остались «жесткими» или «твердыми». Начался въ обѣихъ фракціяхъ частью естественный, частью искусственный подборъ болѣе фанатическихъ и радикальных элементовъ—съ одной стороны, болѣе уступчивыхъ и импрессионистскихъ—съ другой. Аудиторія вліяла на вождей. Въ Ленинѣ она воспитала холоднаго фанатика и безпощаднаго Мымрецова большевизма, въ Мартовѣ—глубкаго, эластичнаго адвоката меньшевизма. Два неразлучныхъ Лякса оказались на двухъ противоположныхъ полюсахъ социалдемократіи.

Событія конца 1905 года застали обѣ фракціи уже опредѣлившимися. Прошло то время, когда на мѣстахъ, въ отдѣльных комитетахъ, группы «большинства» и «меньшинства» порою оказывались въ затруднительномъ положеніи, ибо, за арестомъ старожиловъ, «теряли разницу» и тодько съ большими трудами, при помощи заграницы, вновь разыскивали ее. По мѣрѣ того, какъ поднималась революціонная волна, большевики опредѣлялись, какъ фракція въ наибольшей мѣрѣ практически дѣйствующая въ сферѣ работы по боевой подготовкѣ къ возстанію, пропаганды и организаціи въ войскахъ и т. п., въ то время, какъ меньшевики считали достаточнымъ «вооружить массы желаніемъ самовооружать—

ств. Б-ки выдвинули лозунгъ революціонной диктатуры пролетаріата и крестьянства—въ то время, какъ меньшевики настаивали на чисто-буржуазномъ характерѣ революціи и необходимости поддерживать либеральную буржуазію. Б-ки выступили за сближеніе съ с.-р. и народническими элементами противъ кадетовъ, въ то время какъ меньшевики отвергали такое сближеніе и желали поддерживать кадетовъ. Въ связи съ этими разногласіями стояла—уже, съ одной стороны, разница въ опѣнкѣ момента и двигательныхъ силъ революціи, а съ другой—разница въ повседневныхъ лозунгахъ, туманной тактикѣ и т. п. Создалось, словомъ, два рѣзко-очерченныхъ крыла социалдемократіи—лѣвое и правое.

Было бы ошибкой отрицать этотъ смыслъ дѣленія с.-д. партіи на большевиковъ и меньшевиковъ. въ виду того, что иногда, въ разгарѣ острыхъ событій, большевики оказывались сторонниками ~~болѣе~~ болѣе ~~стремительной~~ стремительной и осторожной тактики, въ то время, какъ меньшевики однимъ скачкомъ оставляли большевиковъ за собою въ крайнихъ лозунгахъ. Если именно меньшевики чуть-чуть не перешли къ признанію политическаго террора, если изъ ихъ среды вышли своеобразные соц.-дем. максималисты Парвусъ и Троцкій, если они одно время отъ лица меньшевистскаго направленія провозгласили лозунгъ «непрерывной революціи» — то все это ничего не доказываетъ, кромѣ того, что «мягкіе», оппортунистическіе элементы всѣхъ временъ и народовъ оказываются особенно чувствительны къ переменамъ обстоятельствъ. Догматическіе радикалы марксизма имѣютъ свою строго-опредѣленную линію поведенія, которую упорно выдерживаютъ, не смущаясь преятностями борьбы. Оппортунисты же въ эпохи историческаго отлива готовы доходить до партійнаго «ликвидаторства», за то, въ эпохи историческаго прилива могутъ импрессионистски выкинуть самыя крайніе лозунги. Это мы видѣли на приѣмѣ рабочедѣльцевъ, когда съ ними боролась тогда еще единая нераздѣльная «Искра». Стоило подуть въ Россіи революціонному вѣтерку, какъ вчерашніе экономисты вдругъ однимъ скачкомъ опередили въ

революціонизмъ своихъ противниковъ, искровцевъ, выступивъ съ лозунгомъ: «стройтесь въ штурмовыя колонны!», поразившимъ своей внезапностью всѣхъ въ социалъдемократическомъ и не соц.-дем. лагерѣ. И говорю объ извѣстной прокламаци «Историческій поворотъ», которую искровцы немедленно перекрестили въ «Историческій поворотъ» рабочедѣльчества. То же мы видимъ и на примѣрѣ Мореса въ оппортунистическій періодъ его социализма: готовый чуть не на революцію во время дѣла Дрейфуса, онъ былъ готовъ на миллерандизмъ по завершеніи этого дѣла.

Итакъ, роль отдѣльныхъ личностей, вожаковъ, во всей этой эволюціи была далеко не такъ велика, какъ это могло показаться на первый взглядъ, или, лучше сказать, она была велика, но лишь постольку, поскольку этого требовалъ сектантскій характеръ движенія, немедленно доводившій мелкія разногласія до расколовъ и требовавшій существованія людей, которые были бы высшими духовными авторитетами — въ глазахъ однихъ, и ересіархами — въ глазахъ другихъ. Нельзя, конечно, сказать, чтобы личныя качества этихъ вожаковъ были «не при чемъ» въ развитіи разногласій и расколовъ. Но эти качества въ еще большей степени восплывались, культивировались въ вожакахъ аудиторіей, чѣмъ опредѣляли собой аудиторію и ея составъ. Въ частности, неумѣренное поклоненіе со стороны своихъ и столь же неумѣренное, подчеркнутое, преувеличенно-презрительное и насмѣшливое отношеніе другихъ не могли не развивать болѣзненного самолюбія, рядящагося въ тогу олимпійскаго высокомерія и въ то же время чувствительнаго къ мельчайшимъ булавочнымъ уколамъ. Только потому и постольку и оказывались эти лица вожаками, что личныя качества ихъ шли въ унисонъ съ психологіей группы, соответствовали ея особымъ потребностямъ до полного сліянія. Большевикамъ нуженъ былъ властный, хотя бы упрямый и топорный, но зато абсолютно закрученный, монолитно-цѣлостный «революціонный ортодоксъ»; меньшевикамъ былъ столь же нуженъ эластичный и гибкій, хотя бы до безхарак-

терности, до импрессионизма, адвокат «широкаго практицизма». Если бы Ленина и Мартова не было, ихъ пришлось бы выдумать.

Но если такъ, то смѣшно думать, будто теперешнія неурядицы среди большевиковъ обязаны своимъ происхожденіемъ Ленину. Не Ленинъ ликвидировалъ большевистскій «бойкотизмъ». Ленинъ только забѣжалъ впередъ того процесса, который несомнѣнно подготовлялся среди большевиковъ жизнью. Когда, передъ выборами въ третью Думу, большевики пробовали отстоять бойкотистскую позицію, — отпаденіе Ленина и переходъ его, въ этомъ частномъ вопросѣ, на сторону меньшевиковъ, конечно, были для его фракціи неприятнымъ сюрпризомъ, — тѣмъ болѣе неприятнымъ, что меньшевикамъ, въ союзѣ съ окраинными партіями, удалось побѣдить недавнее «партійное большинство». Но гипнотизировать себя этой внѣшностью «измѣны вождя» не приходится; это значило бы скользить по поверхности и незамѣчать болѣе глубокаго соотвѣтствія. Во времени выборовъ въ третью думу большевики уже приняли цѣлый рядъ предпосылокъ отказа отъ бойкота; Ленинъ прежде другихъ сдѣлалъ изъ этихъ предпосылокъ логическій выводъ. Сохраненіе бойкотистской позиціи имѣло бы смыслъ лишь постольку, поскольку большевики вели бы или собирались бы вести наступательную тактику. Но въ чемъ бы она могла выразиться?.. Террора они никогда не признавали, а формы массоваго боевизма были ими ко времени третьей думы почти совершенно ликвидированы. Не только о вооруженномъ возстаніи и подготовленіи къ нему не было и рѣчи; не предполагалось ни демонстраціонной, ни даже хотя бы наступательной стачечной тактики. Была почти совершенно прекращена и работа въ арміи. Словомъ, наступательная тактика была ликвидирована во всѣхъ ея видахъ и формахъ. Вернуться къ ней пока не предполагалось. Но тогда почему же сохранить одинъ бойкотизмъ? Массѣ большевиковъ, конечно, было трудно сразу отказаться отъ этого привычнаго лозунга; онъ спасалъ видимость революціонизма, не воскрешая его сущности. Съ

третьей думой и фракціей масса большевиковъ могла лишь медленно примириться. Это и совершается, — въ значительной степени уже совершилось, — на нашихъ глазахъ. Всего личнаго вліянія Ленина оказалось недостаточно, чтобы заставить его фракцію «перепрыгнуть» чрезъ естественныя фазы своего развитія прямо къ конечному результату. То же вѣрно и по отношенію къ вопросу о созданіи с.-д. «партійнаго центра», — вопросу, о которомъ такъ много говорятъ и разрѣшенія котораго ожидаютъ отъ намѣчающагося, какъ будто бы, сближенія Ленина съ Плехановымъ. Но если бы даже оба они этого страстно желали, вмѣсто того, чтобы поминуть пословицу: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ», изъ этого могло бы ровню ничего не произтечь. Если же теперь являются серьезныя шансы на созданіе «центра», то только потому, что большевизмъ пережилъ внутренній кризисъ, подвергся процессу линия и тѣмъ самымъ перемѣстился къ «центру» (прежде Ленинъ вмѣсто иностраннаго слова «центръ» употреблялъ болѣе красочное, чисто русское словечко «болото»).

«Ультиматисты» и «отзовисты» (не говорю о «богостроительствѣ», ибо эта словесническая революція Луначарскаго къ настоящей революціи имѣетъ очень мало отношенія) хотѣли бы плыть противъ теченія и воспріять перерожденію большевизма. Но для этого они должны бы были, прежде всего, отрѣшиться отъ взгляда на это перерожденіе, какъ на «ленинскую интригу». Это — плохой полемическій приѣмъ, который врядъ ли можетъ кого нибудь ослѣпить, кромѣ самихъ тѣхъ, кто имъ неумѣренно пользуется. Изученіе глубокихъ причинъ перерожденія большевизма привело бы лѣвыхъ с.-д. къ ясному пониманію того, что отрицательная революціонность бойкотизма бесплодна, если съ нею не связана другая, положительная революціонность боевой тактики. Этого яснаго пониманія у нихъ, по видимому, еще нѣтъ; есть только смутное, инстинктивное чувство. На манифестъ «устрашенныхъ» изъ большевистской фракціи это отразилось кое-какими боеви-

стесненными потоками. Но они столь смутны и неопредѣленны, что Ленинъ не можетъ безъ всякаго основанія высматривать ихъ въ своемъ отбѣтѣ.

Если отзовисты претендуютъ воскресить «лѣвую» социалъдемократію, то имъ мало доказать, что нынѣшній оффіціальный большевизмъ, блуждая въ глухую пору реакціи по всякимъ узенькимъ обходнымъ тропинкамъ, растерялъ всѣ существенные пункты отличія отъ меньшевиковъ и ликвидаторовъ. Имъ мало и хвататься за *негативный* революціонизмъ тактики бойкота. Имъ нужно совершенно конкретно выиснить, въ чемъ состоитъ ихъ *позитивная* революціонность, какую имѣютъ они предложить *конкретную боевую линію поведенія*. Иначе дни ихъ сочтены.

Любопытнымъ симптомомъ кризиса большевизма является и та, исходящая изъ отзовистскаго лагеря, «критика политическихъ положеній современной русской социалъдемократіи», которой мы ниже даемъ мѣсто. На страницахъ «Знамени Труда». Авторъ ея, Н. Гирри, писавшій ранѣе въ «Пролетаріи», остается марксистомъ по исходнымъ точкамъ своего міросозерцанія, но его марксизмъ есть только на половину марксизмъ социалъдемократическій; на другую, добрую половину это есть марксизмъ синдикалистскій. Мы даемъ этой статьѣ мѣсто въ нашемъ органѣ по-первыхъ потому, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ тактики высказываемые въ ней взгляды совпадаютъ съ нашими, во-вторыхъ же потому, что эта безбашенная статья врядъ ли могла бы разсчитывать на помѣщеніе въ нашихъ фракціонныхъ органахъ социалъдемократической прессы. Но намъ думается, что статья эта поучительна и въ своихъ ошибкахъ, о которыхъ мы позволимъ себѣ сказать пока лишь нѣсколько словъ.

Жалкій характеръ современной государственной думы, этой пятой елпцы въ колесниці столыпинскаго режима, служитъ однимъ изъ крупнейшихъ козырей

отзовизма. Ея резко выраженный сословный, классовый характеръ, дѣлающій ее ареной самого беззащитнаго реакціоннаго мракобѣсія, дѣлаетъ слабую личными силами с.-д. фракцію какой-то ненужностью. Ея изолированность менѣе всего похожа на *splendide isolation*, и то третированіе, которому она подвергается въ думѣ, отнюдь не-нейтрализуется отношеніемъ къ ней ее собственныхъ избирателей, въ тщетной борьбѣ въ равнодушіемъ которыхъ изнемогаетъ с.-д. литература. Понятно, что безобразія, ареною которыхъ такъ часто является третья дума, уже не разъ застаивали оппозицію—въ томъ числѣ даже кадетовъ!—въ знакъ протеста покидать залъ засѣданія. И немудрено, что менѣе терпѣливая часть рабочаго класса, изъ подчиненія партійной дисциплины выбиравшая въ думу, не удовлетворяется этимъ *символизмомъ* протеста, отъ котораго нѣсколько не выигрывающимъ въ смыслѣ впечатлѣнія. *Отзовизмъ* обобщаетъ это настроеніе, ставя на мѣсто символическаго покиданія думы—дѣйствительное, ставя вмѣсто многократнаго вида—видъ совершенный, и полагая, что уходитъ въ одну дверь, чтобы тотчасъ войти въ другую—занятіе слишкомъ невинное и слишкомъ мало соответствующее серьезности положенія.

Чтобы отпарировать этотъ наиболѣе «козырный» аргументъ отзовизма—указаніе на реакціонность третьей думы—Ленинъ и его сторонники, по своему обыкновенію, поднялись на самыя вершины революціонной эрзаологии. Для сверхъ-революціонизма что значитъ реакціонность дворянской думы? Все парламенты въ мірѣ реакціонны, все—орудія классоваго господства; ну а все неважно, различать ихъ—пустое крохоборство; думамъ проявить свой радикализмъ—въ бойкотѣ третьей думы, на дѣлѣ отзовисты указываютъ только свой оппортунизмъ, ибо усматриваютъ какую то принципиальную разницу между русской думой и вообще буржуазными парламентами, это—оптимизмъ по отношенію къ буржуазному парламентаризму. Вотъ типичное разсужденіе оффиціальнаго большевизма. Такой сверхъ-революціонизмъ очень удобенъ: какъ видите, подъ его

декоративной виѣшностью можно провести на практи-
кѣ любую оппортунистскую контрабанду. Установясь на
такую же сверхъ-революціонную точку зрѣнія. Гэдъ ког-
да то договорился до того, что объявилъ безразличнымъ
для пролетаріата, монархическая или республиканская
въ странѣ форма правленія.

Отзовистовъ, съ легкой руки Плеханова. всѣ. въ
томъ числѣ и Ленинъ, обвиняютъ въ анархизмѣ. Но
если они и попадаютъ въ колею полуанархической аргу-
ментации, то только по слѣдамъ своихъ учителей. Тотъ
сверхъ-революціонизмъ, примѣръ котораго мы видимъ
у Гэда, несомнѣнно граничитъ съ аполитизмомъ libe-
taire'овъ. И многимъ, въ свое время, пришло на умъ,
что эта несчастная фраза, которая вырвалась у Гэда и
которой онъ упорно не хотѣлъ взять назадъ, есть лишь
случай атавизма; есть рецидивъ домарксистской эпохи.
— того давняго короткаго времени, теченія котораго
Гэдъ былъ анархистомъ.

Органъ польскихъ с.-д., среди которыхъ Роза Люк-
сембургъ давно ввела революціонную фразеологию въ ея
типично-нѣмецкой формѣ, шелъ впереди всѣхъ въ этомъ
методѣ отпора отзовизму. Онъ, этотъ методъ, особенно
ярко проявился въ той фразѣ, которая такъ восхитила
редакцію «Пролетарія», и которую цитируетъ Н. Гарри:
«Можно было бы думать, что отзовисты вовсе не за-
мѣчаютъ, что буржуазный парламентъ вообще есть только
орудіе угнетенія рабочаго класса». И характерно, что Н.
Гарри обѣими руками подписывается подъ послѣдней,
отмѣченной курсивомъ частью этой фразы: онъ повто-
ряетъ ее въ разныхъ комбинаціяхъ на всѣ лады: онъ
хочетъ, напротивъ, доказать, что именно отзовисты, и
только одни они, проводятъ послѣдовательно до конца
эту точку зрѣнія, которой не выдерживаютъ ни социаль-
демократы вообще, ни большевики въ частности.

Присмотритесь къ разсужденіямъ Н. Гарри. Прежде
всего вамъ въ глаза бросится постоянное употребле-
ніе словечками «лишь» и «только». Буржуазный пар-
ламентъ вообще есть только орудіе угнетенія рабочаго
класса, говоритъ польскій органъ, и Н. Гарри не упу-

скаеть повторить это, даже въ усугубленной формѣ: — «Поэтому для насъ возможно только одно опредѣленіе роли парламента въ буржуазномъ строѣ: всякій парламентъ, какъ политическое оружіе буржуазнаго строя, по существу своему враждебнаго рабочему классу — тѣмъ самымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только орудіемъ угнетенія рабочаго класса». Сильнѣе, кажется, сказать невозможно. Однако тотъ же Н. Гарріи съ другой стороны видитъ, что «частичное исключеніе изъ этого правила составляетъ иногда парламентъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ группировка силъ въ немъ соответствуетъ дѣйствительной группировкѣ силъ въ народѣ, т. е. въ странахъ демократически-республиканскихъ». Но тогда, стало быть, парламентъ можетъ быть чѣмъ то инымъ, а не только орудіемъ ея? И прежняя строгая формула незамѣтно подмѣняется другой: «Ужъ кто-кто, а мы то именно на это указываемъ съ неустанной энергіей, что почти всюду буржуазный парламентъ есть только орудіе угнетенія рабочаго класса». Н. Гарріи никакъ не могъ разстаться со словомъ только, и потому, положивъ его на одну чашку вѣсовъ, онъ уравновѣсилъ его, положивъ на другую «почти всегда». Только, но почти, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, но иногда бываетъ. Сочетаніе, не особенно блестящее логичностью.

Однако, это еще не все. «Для насъ возможно только одно опредѣленіе роли парламента въ буржуазномъ строѣ», говоритъ Н. Гарріи. Однако, уже въ его статьѣ мы находимъ не одно опредѣленіе, а цѣлыхъ два, и они далеко не однозначны.

Н. Гарріи, вѣдѣвъ за революціонными спидкалистами, старается доказать, что реальная классовая борьба въ буржуазномъ обществѣ имѣетъ свою арену исключительно въ парламентаріи — арену «прямоего воздѣйствія» другъ на друга чисто-классовыхъ, въ парламентаріи боевыхъ организацій. «Парламентъ вообще не есть база для революціонныхъ дѣйствій, а лишь институтъ для мирнаго закрѣпленія социальныхъ реформъ». Или, въ иныхъ терминахъ: «Парламентъ ни въ какомъ случаѣ

нельзя разсматривать, какъ орудіе борьбы классовъ, а лишь какъ институтъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ между сторонами. Сравнимъ съ этимъ опредѣленіемъ прежнее: развѣ они тождественны? Парламентъ—~~только~~ орудіе угнетенія рабочаго класса; дабы рабочему классу досталась роль национальной буржуазіи—кузнеца, а парламентъ служить молотомъ. Парламентъ—лишь договорный, а не боевой институтъ; дабы буржуазія и пролетаріатъ уже представлятъ, какъ до извѣстной степени равноправныя договаривающіеся стороны, а парламентъ превращается въ пассивнаго регистратора даннаго соотношенія силъ и соответственнаго ему распределенія выгодъ договорныхъ отношеній. Какъ же можно быть одновременно и только орудіемъ угнетенія, и лишь институтомъ для заключенія договоровъ?

Мы уже видѣли, что Н. Гарри не выдерживалъ до конца своего перваго опредѣленія роли парламента: не выдерживаетъ онъ до конца и втораго. «Парламентъ ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ орудіе борьбы классовъ» — говоритъ онъ. Но онъ же говоритъ: «Какъ разъ въ странахъ съ наиболее развитой промышленностью парламентъ все болѣе и болѣе теряетъ значеніе орудія борьбы, а, наоборотъ, вытѣсняется новыми, ~~виѣ~~парламентскими ~~и~~ ~~боевыми~~ ~~организациями~~». Но чтобы «все болѣе и болѣе терять», нужно это «теряемое» въ достаточно большомъ количествѣ имѣть; а если «такъ», то куда же дѣвается торжественное «ни въ какомъ случаѣ»? «Случай» то, выходитъ были... да и теперь еще есть. Ибо «все болѣе и болѣе терять» — одно, а «потерять» — другое. Парламенту, какъ орудію классовой борьбы, оказывается еще и въ настоящемъ есть что терять. Есть что — даже въ странахъ «съ наиболее развитой промышленностью», гдѣ, по Н. Гарри, значеніе парламента, какъ орудія борьбы, наименьшее. Ну, а въ странахъ съ наименѣе развитой промышленностью? Тамъ то вѣдь отношеніе обратное! А пожалуй, эти послѣднія страны для насъ съ Н. Гарри будутъ поближе тѣхъ, другіхъ?

Парламентъ, конечно, бываетъ постоянно «институ-

томъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ между сторонами». Но въѣтъ точно также и въ парламентарскій, самый революціонный синдикатъ не менѣе постоянно является такимъ же «институтомъ», что не мѣшаетъ ему одновременно быть боевымъ оружіемъ пролетаріата. Болѣе того: потому то синдикатъ — въ договорахъ, прекращающихъ стачки и закрѣпляющихъ тѣ или иные уступки — и можетъ играть *первую* роль, что онъ исполняетъ и *вторую*. И политическая организація лишь постольку закрѣпляетъ въ формѣ законовъ уступки господствующимъ классамъ, поскольку она является и въ парламентѣ, и въ его крупной моральной и матеріальной боевой силе. А потому слѣдуетъ оставить все эти «только», уравниваемыя различіями «также», «иногда», «никогда», съ оговорками въ видѣ «иногда». Парламентъ въ извѣстныхъ предѣлахъ служитъ оружіемъ угнетенія пролетаріата, но это не мѣшаетъ ему также быть — тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ — и институтомъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ, и оружіемъ классовой борьбы для всѣхъ участвующихъ въ немъ партій, и много чѣмъ еще — напр., сосредоточеніемъ, концентраціей общественной силы для выполнения нѣкоторыхъ элементарнѣйшихъ, всѣмъ необходимыхъ культурныхъ функций. И, что всего важнѣе, *предѣлы* каждой изъ этихъ функций не суть ничто неподвижное, а напротивъ того, измѣняющіеся, растяжимое и подвижное. Роль парламента неслѣдуетъ поэтому дать чисто *статическое* опредѣленіе — тутъ ошибка въ самой постановкѣ задачи, неизбежно ведущая за собою ошибки и въ ея разрѣшеніе. Опредѣленіе можетъ быть только *динамическимъ*.

Мы поступили бы несправедливо, если бы не отметили, что если П. Гарри ни одно изъ двухъ, данныхъ имъ, опредѣленій парламента не могъ выдержать послѣдовательно до конца, то по крайней мѣрѣ частичное несовпаденіе и даже противорѣчіе этихъ опредѣленій онъ замѣтилъ, и попытался свести къ нѣкоторому высшему единству. Единство это сводится вотъ къ чему: первое свое опредѣленіе онъ попытался сдѣлать про-

изноднымъ, вытекающимъ изъ второго, какъ болѣе основнаго. По существу своему парламентъ есть «институтъ для закрѣпленія временныхъ договоровъ между сторонами»; настоящая борьба выносятся на своихъ плечахъ внѣпарламентскими организаціями, или, что то же, «дѣйствительными силами» класса; «а такъ какъ до сихъ поръ внѣпарламентскія организаціи буржуазіи по силѣ и технике превосходятъ такія же организаціи пролетаріата, то ему ничѣмъ инымъ и быть не приходится, какъ только (и здѣсь магическое «только!») орудіемъ угнетенія рабочаго класса».

Синтезъ обоихъ опредѣленій, можетъ быть, замысленъ и недурно, но врядъ ли логическіе выводы изъ него ведутъ въ ту сторону, въ которую устремлены уметвенные взоры нашего автора. Если парламентъ постольку является орудіемъ угнетенія рабочаго класса, поскольку внѣпарламентскія силы и организованность буржуазіи выше силъ и организованности рабочаго класса, то ясно, что по мѣрѣ возрастанія силъ рабочаго класса (а необходимость такового, несомнѣнно, Пиколомъ Гарри предусматривается) насчетъ силъ буржуазіи (а декадансъ буржуазіи для него, какъ марксиста, не менѣе несомнѣненъ), будетъ эволюционировать и парламентъ. Ростущія силы рабочаго класса (организованныя, какъ политически, такъ и экономически) будутъ обуздывать, сокращать, подрывать репрессивныя функціи парламента, какъ служебнаго орудія буржуазіи, и развивать какъ общекультурныя функціи парламента, такъ и его функціи не «закрѣпленію мирныхъ реформъ».

*) Нельзя не отмѣтить еще одной странности у П. Гарри: подъ внѣпарламентскими организаціями буржуазіи онъ разумѣетъ «армію, государство и т. д.» Вотъ такъ «внѣпарламентскія»! Но что же такое государство, если въ составъ его не входитъ самъ парламентъ? И что такое парламентъ, если государство является для него чѣмъ то внѣшнимъ? Поистинѣ, марксистъ еще можетъ быть силенъ, пока говоритъ объ «экономическомъ фундаментѣ»; но какъ только доходить дѣло до «настроеній», такъ самыя элементарныя терминологическія различія летятъ кверху ногами!

Не въ этомъ ~~только~~ будетъ состоять логика борьбы, ибо этимъ далеко не будетъ исчерпываться вся многосторонняя социальная борьба. Въ этомъ также далеко еще не дано ~~мирное~~ разрѣшеніе социального вопроса. Даже самые ярые сторонники «достоинности» развитія врядъ ли станутъ утверждать, что собачь будетъ легче, если обрубить ей хвостъ по кускамъ а не весь сразу. Надо полагать, впечатлительность буржуазіи окажется не ниже собачьей. И тому процессу, который «въ абстракціи» можно мыслить заканчивающимся мирнымъ путемъ, рано или поздно въ жизни буржуазія поставитъ свое властное: «Non possumus!» Иными словами, пробьетъ часъ политической революціи рабочаго класса противъ буржуазіи, революціи по содержанию своему классовой, а, слѣдовательно, социальной. Эта революція потребуетъ максимальнаго напряженія энергій, за то удача ея дастъ и максимальные результаты. Линія же наименьшаго сопротивленія чаще всего бываетъ и линіей наименьшей выгоды.

Этотъ большой и сложный вопросъ о парламентаризмѣ, однако, имѣетъ мало отношенія къ вопросу о третьей государственной думѣ, ибо, какъ бы высоко ни взбирались с.-д.-скіе анти-отзовисты и анти-бойкоти-сты на вершины своего теоретическаго Олимпа, но даже и съ самаго прекраснаго далека разстояніе между нашей думой и самымъ плохенькимъ буржуазнымъ парламентомъ не окажется столь малымъ, чтобы его можно было безнаказанно игнорировать. Результатъ отъ всего этого оказывается одинъ: запутывается не только вопросъ объ отношеніи къ русской госуд. думѣ, но и общій вопросъ о парламентаризмѣ. Это запутываніе является однимъ изъ характерныхъ явленій, сопутствующихъ кризису большевизма. Можно, сколько угодно, и не безъ основанія, уличать иныхъ отзовистовъ въ «синдикалистскіе» ~~грѣхопаденія~~ грѣхъ. Но «первороднаго» грѣха нужно искать въ коренномъ большевизмѣ. Грѣхъ этотъ продиктованъ большевизму логикой его положенія; большевизмъ не могъ не впасть въ него, когда пытался выбраться изъ плачевнаго поло-

женія съ третьедумскимъ плъненіемъ социальдемократіи, избравшіеся на такія высоты революціонизма, съ которыхъ «все—все равно». Въ слѣды своихъ бывшихъ учителей, къ социализму стараются здѣсь понадать и многіе отзовисты. А этимъ они сами запутываются въ противорѣчіяхъ, ослабляющихъ ихъ «критику политическихъ положеній современной русской социальдемократіи».

Пожелаемъ же имъ выбратъся изъ этихъ путъ... Ибо не избавившіеся отъ шатаній въ этомъ основномъ вопросѣ международной социалистической тактики, нельзя имѣть прочной политической линіи поведенія. А она болѣе всего необходима фракціи, желающей воскресить революціонное крыло въ русской с.-д.-тіи.

Николай Тавриловичъ

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Скромно, мало замѣтно подминуло русское общество день 17 октября, когда исполнилось 20 лѣтъ со дня смерти П. П. Чернышевскаго. Статьи въ ежедневныхъ газетахъ да 2 книги (если не считать совершенно не самостоятельной книги г. Ю. Стеклова), посвященные ему — не слишкомъ много для этого «властителя думъ» своего поколѣнія.

За 10 лѣтъ своей литературной дѣятельности (1853-1862 г.) во главѣ журнала «Современникъ» Чернышевскій пользовался необыкновеннымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ влияніемъ на все передовое общество и даже на русское правительство. Но именно эта духовная сила Чернышевскаго и была причиной его преждевременной гражданской смерти. Правительство увидѣло въ немъ опаснаго врага и воспользовалось первымъ удобнымъ случаемъ, что-